

ВЕЛИКИЙ ТРАГИК

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ П. С. МОЧАЛОВА

Ранняя осень 1817 года ознаменовалась в театральной жизни Москвы событием чрезвычайного значения, хотя самый факт, послуживший поводом к этому событию, и не представлял ничего особо примечательного. А именно: на 4 сентября был назначен бенефис драматического артиста Степана Федоровича Мочалова.

Шла в тот вечер трагедия Озерова «Эдип в Афинах», в которой Степан Мочалов играл главную роль. Но в программах, кроме имени Степана Мочалова, стояли имена его детей, и это уже определенно заинтересовывало. Указывалось, что роль Антигоны будет исполнять Мария Мочалова, а юного Полиника — Павел, которому в ту осень было еще неполных 17 лет. О том, что у Степана Мочалова растет необыкновенно талантливый сын, поговаривали в кругах любителей театра, но только 4 сентября это стало для всех очевидно. Юноша-дебютант сразу покорила зрительный зал той «бездной огня и чувства», которая озаряла его во многом еще не опытную и не совершенную игру. Впечатление было столь потрясающим, что один из летописцев театральной Москвы того времени торжественно отметил: «В 1817 году возшла новая звезда на горизонте московского театра: это Павел Степанович Мочалов».

Жизнь П. С. Мочалова была недолгой и трудной. Родившись 3 ноября 1800 года, он умер на 48-м году жизни (28 марта 1848 года). Из своих 47 лет театру он отдал три десятилетия, и, взгляды-ваясь в его сценическую биографию, много находишь в ней и лавров и терний, много раз он слышал не только восторженные рукоплескания, но и холодные хлоп-ки. И в самом деле, неровной и ухабистой была личная и творче-ская дорога великого трагика. Много было у него горестных ми-нут даже в удачнейшие годы его жизни. Но было в Мочалове то ослепительное сверкание таланта, которое и сейчас, через столетие после его кончины, волнует вся-кого, кто погружается в литерату-ру о Мочалове, увенчанную заме-чательнейшей статьей Виссариона Григорьевича Белинского о моча-ловском Гамлете.

Полного списка сыгранных Мо-чаловым ролей не сохранилось,

«Актёр Мочалов». Картина Н. Неврева.

но и в том, что занесено в твор-ческий перечень, мы находим множество драм и комедий, ме-лодрам и трагедий. Есть здесь и классические произведения Шек-спира (кроме «Гамлета» — «Отел-ло», «Ричард III», «Ромео и Джульетта», «Король Лир») есть и трагедии Шиллера («Мария Стюарт», «Коварство и любовь»), есть и те пьесы русских и ино-странных авторов, которые давно стали достоянием книгохранилищ.

О сценических данных Мочало-ва лучше всех и ярче всех писал Белинский: «Одаренный в высшей степени страстной натурой, он владел при этом голосом, кото-рый способен был выражать все оттенки страстей и чувств: в нем слышны были и громовой рокот отчаяния, и порывистые крики бешенства и мщения, и тихий шо-пот сосредоточивавшегося в себе негодования — шопот, который раздавался, бывало, по всему те-атру, и каждое слово доходило до слуха и сердца зрителей; и мело-дический лепет любви, и язви-тельность иронии, и спокойно вы-сокое слово... Лицо его также было создано для сцены. Краси-вое и приятное в спокойном со-стоянии духа, оно было изменчи-во, подвижно, настоящее зеркало всевозможных оттенков оущей-ний, чувств и страстей... Ростом он был невысок, но совсем не так, чтоб это могло казаться в нем недостатком на сцене. Слож-жен был хорошо».

* * *

Прошло без малого двадцать лет после дебюта юноши-Мочало-ва, когда 22 января 1837 года уже прославленный артист сыграл в свой бенефис трагедию Шекспи-

ра «Гамлет», заново переведен-ную Николаем Полевым. Этот бенефисный спектакль, как и последующие представления «Гамлета» с участием Мочалова, были днями величайшего торже-ства и самого трагика и Шекспира на русской сцене. Они позволили Белинскому создать одну из вдох-новеннейших и глубочайших его статей. Можно сказать, что без статьи Белинского о Гамлете-мо-чалове образ артиста значительно потускнел бы в памяти потом-ства.

Белинский смотрел Мочалова в «Гамлете» неоднократно, и по его словам можно проследить не только замысел роли, но и те из-менения, какие вносил артист в трактовку отдельных сцен в раз-личных спектаклях.

В судьбе Мочалова и в его ошу-щении трагизма большую роль сыграла та общая духота, в кото-рой задыхалось русское прогрес-сивное общество в годы царство-вания Николая I — «Николая Пал-кина».

Мочалов понимал, как трудна и тяжела русская жизнь, и свою тоску изливал не только в сцени-ческой игре, но и в своих сти-хотворениях-песнях, которые пи-сал и часть которых была напеча-тана в редком теперь сборнике — «Литературный кабинет», издан-ном в 1842 году, и в журнале «Ре-пертуар и Пантеон».

Есть в этих песнях-стихах слова и интонации, которые по-новому открывают народность духовной природы Мочалова. С другом он хочет «сердцами крепко конкнутъся». Обращаясь к «солнцу крас-ному», он тоскует, что «придется солнцу теплоту греть могилу мою темную». Своей дочери он гово-рит:

«Мне жаль, что ты душою хороша,
Мне жаль, что ты души прекрасной,—
Здесь редко ценится душа,
И редко души здесь согласны».

За несколько лет до своей кон-чины Мочалов вывел впервые свою юную дочь на сцену, дав ей возможность сыграть роль Луизы в шиллеровской трагедии «Ковар-ство и любовь», которую Мочалов поставил в свой бенефис в 1845 году. На этот раз он играл не Фердинанда — одну из своих лучших ролей, — а отца Луизы — Мюллера. Чувства отца в жизни и отца в трагедии слились воеди-но. Мочалов так играл Мюллера, что сам говорил партнерам про свою игру: «Сегодня я вас всех погублю».

Мочалов умер 28 марта 1848 года, простудившись во время га-стролей в Воронеже. Но когда в 1898 году, пятьдесят лет спустя, актер и драматург А. И. Южин-Сумбатов произносил речь памя-ти Мочалова, он говорил не о смерти Мочалова, а об его гибе-ли, о том ужасном николаевском времени, которое душило все светлое, передовое, высокое.

Москва хоронила Мочалова тор-жественно и скорбно. В описани-ях его похорон читаем: «Стече-ние публики произошло небыва-лое; не только храм был пере-полнен, но и вся Ильинка была за-пружена народом. Лавки все бы-ли закрыты, и торговля прекра-тилась... Тысячная толпа следова-ла за прахом Мочалова. Когда гроб несли мимо университета, много студентов вышло навстречу и присоединилось к процессии...»

Мочалова похоронили на Ва-ганьковском кладбище. На памят-нике, впоследствии воздвигнутом «почитателями таланта», была вы-резана эпитафия, посвященная «безумному другу Шекспира», как назван великий трагик в этих на-ивных, прочувствованных строках.

Немногом пережил Мочалова и Белинский, скончавшийся в мае того же 1848 года. Некролог Мо-чалову оказался последней ста-тьей, начерченной рукой Висса-риона Григорьевича. Так в жизни и смерти сочетались в истории русской культуры имена двух ве-ликих русских людей — критика-демократа Белинского и трагика-демократа Мочалова.

Н. ВОЛКОВ

«П. С. Мочалов в роли Фингала», гравюра Н. Баранова.

Могила П. С. Мочалова на Ваганьковском кладбище в Москве.